

Эдвард Радзинский:

«ПОЛЕ БИТВЫ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ ПРИНАДЛЕЖИТ МАРОДЕРАМ»

Театральный сезон подходит к концу. «Гвоздем» сезона пока была жизнь...

Эдвард Радзинский — один из самых репертуарных драматургов. Так считалось десять, пять, два года назад. Американская «Бэк стейдж» назвала Радзинского самым-самым и на Западе после Чехова. Всякий раз, когда он на волне успеха, он резко меняет амплуа. В последние годы Радзинский перестал баловать премьеры публику («а ведь так легко подражать самому себе»), он изменил амплуа драматурга и стал историком.

«Где новые пьесы?» — в общем-то, мы пришли его спросить об этом. Но ход встречи сам диктовал условия игры.

На столе работал компьютер, а Радзинский пошутил, что мы его застали в момент прощания с его соавтором. «Он стал обо мне слишком много знать, и я с ним решил навсегда распрощаться».

— Первый компьютер я уничтожил, когда писал про Николая II. Это было связано с ужасным документом, который я тогда нашел, — запиской коменданта Ипатьевского дома Якова Юровского. Компьютер перегорел, как только я в него вложил эту информацию. И никто после этого не смог починить его. Я дал возможность Николаю высказаться. А вначале опровергал на княжне Таракановой.

Зная Радзинского как похитителя женских сердец, мы тотчас спросили самым корректным образом, чем покорила его княжна?

— Возможно ли не полюбить женщину, которая возила с собой шесть пистолетов? Даже во время любви под подушкой у нее был заряженный пистолет.

И, главное, она отучила своих мужчин задавать нелепый мужской вопрос: «Если ты меня любила вчера, почему ты не любишь меня сегодня?» Ибо женщина — как

змея. Она не помнит о сброшенной коже.

Но ее любовники помнили. Она продвигалась по Европе в обширной компании бывших возлюбленных. И все эти вчерашние маркизы и виконты с удовольствием становились ее лакеями.

— Эта книга вышла?

— Она называется «Последняя из дома Романовых». Она не просто вышла, ее переиздавали несколько раз, общим тиражом почти 500 000 экземпляров... И каждый раз она таинственным образом исчезала... Мы — загадочная страна. Здесь все исчезает: продукты, товары, книги...

Впрочем, только что эта книга вышла в Париже.

— Но давайте вернемся к вашей книге о последнем российском императоре. Что вас заставило дать еще один портрет царя?

— Портрет последнего императора создан революцией и контрреволюцией: портрет Николая «святого» и Николая «кровавого». А за этими портретами скрывался совсем другой человек — неизвестный. Моя задача была пленительной — провести раскопки.

Я же дал подлинный голос Николаю. Я драматург и знаю таинственную силу человеческих слов. И предоставил Николаю возможность самому высказаться. Это было опубликовано в «Огоньке». Кстати, в «Огоньке» опубликована и моя новая повесть о Моцарте. Там использован тот же прием. Моцарт говорит только своими, когда-то написанными им словами.

— К сожалению, история последнего русского царя таит в себе опасность. Все стирается от употребления... А мы не знаем меры.

— После падения Владимира Ильича с пьедестала место святого оказалось вакантным. И тотчас решили создать нового святого. По образу прежнего — Николай II: «как самый человеческий человек». «Николаину» вместо Ленинины... С тем же сла-

вословием, которое способно вызывать отвращение.

— Причем к кому угодно!

— В связи с этим я тревожусь, как бы последнего императора не убили во второй раз.

— Но теперь не в СССР, а в СНГ.

— И при помощи печати и родного искусства.

— Вы ушли в историю, но неужели вам не хотелось написать пьесу о современности?

— Ну что вы! Незадолго до путча Марк Захаров попросил написать какую-то пьесу для Инны Чуриковой. Я с восторгом согласился. Как всегда, я сначала придумал заглавие «Ельцин... Горбачев... Горбачев... Ельцин... Боже мой, как все это скучно». И честно начал писать. Но почему-то получилась история о Моцарте. Я, конечно, понимаю, что Инна Чурикова способна сыграть все — даже Моцарта. Но все-таки я был очень разочарован собой и этим происшествием.

— Как правило, вы пишете пьесы для актеров?

— Как правило — нет. Я пишу для себя. Но иногда осмеливаюсь и для актеров. Что делать, актер — главное лицо в театре. Актер — его величество... Далее идет его высочество режиссер... Ну а в конце списка некий странный тип без названия... Это и есть драматург.

— Как правило, вы пишете пьесы для актеров?

— Как правило — нет. Я пишу для себя. Но иногда осмеливаюсь и для актеров. Что делать, актер — главное лицо в театре. Актер — его величество... Далее идет его высочество режиссер... Ну а в конце списка некий странный тип без названия... Это и есть драматург.

Хотя актеры, как и положено царственным особам, — самые несчастные люди. Каждый год для них — куда больше, чем год просто жизни. Он уносит роли.

Хороший актер беззащитен. Ибо слишком эмоционален. И легко совершает ошибки. Актеров очень легко провоцировать и травить. Как умело у нас одно время уничтожали Пугачеву. Великую певицу. Сейчас — Дороницу. Великую актрису.

Кажется Борис Николаевич Ливанов рассказывал, что в какой-то африканской стране на львов охотятся при помощи стаи маленьких злобных

собачонок... Они лают, яростно, визгливо лают... И лев погибает. Нет, не от страха... От отвращения. От отвращения тоже разрывается сердце.

Впрочем, львов после смерти у нас очень любят. Это — традиция: некрополем нашу страну называют очень давно.

— Вы преклоняетесь перед актером, кто для вас режиссер?

— Режиссер таинствен. Это — жрец. В течение так называемого репетиционного периода он объясняет актеру, как надо царствовать над публикой... Идут долгие месяцы репетиций. Но иногда, только никому не говорите, мне кажется, что как актер читал пьесу на самой первой читке, так потом ее и играет.

— Итак, остался драматург...

— Итак, драматургия. Странный жанр. Пьеса — это что-то вроде телевизора без изображения. Звук слышен. Но картинка не видна. Ее знает только автор. С ним она и умрет. И вообще, драматург пишет одну пьесу, режиссер ставит другую, а зритель смотрит третью. Третью пьесу создают вместе актеры и зритель. В Америке моя пьеса «Театр времен Нерона и Сенеки» была поставлена как история о гнусном конформисте Сенеке, который уступает изо дня в день диктатору Нерону. А в датском королевском театре Сенека уступил Нерону, как мудрый философ.

А когда эта пьеса шла в московском театре имени Вл. Маяковского и за квартал спрашивали билетик, одного спрашивающего спросили: «О чем спектакль?» Он ответил: «Про Нерона и его жену Сенеку». Но даже с таким названием советский зритель шел прежде всего на пьесу политическую.

Театр был гласностью в темноте. Некий митинг. Сейчас митинг можно провести на улице, и это значительно удобнее.

— Вы, кажется, не любите политику?

— Просто мы живем не в лучшее из столетий. И слишком часто приходится вспоминать: «Я тебе расскажу о таких дураках, что судьбу человечества держат в руках... Я тебе расскажу о таких подлецах, что уходят в историю в белых венках...»

— Но, выходит, что гласность «убила» театр?

— Популярность театра начала гибнуть уже на второй день гласности. Дело в том, что театр потерял свою главную рекламу «Запрещенное». Запрещение и было знаком «качества» нашего театра. Как это ни парадоксально! Соавтором успехов Юрия Любимова было Министество культуры, которое его запрещало.

И вот стало все можно — и стало неинтересно. Публика обожает корриду.

Коррида кончилась... И тогда в театре заскучала не только публика. Растерялись режиссеры. А лучшие советские театры, лучшие советские режиссеры всегда были политизированы. Они смело боролись! И здесь было — не до искусства!

Борьба закончилась — и, боюсь, закончился наш театр! Режиссеры ставят все реже. Им трудно. Они привыкли все превращать в политику. От Шекспира до Чехова. Все служило прогрессивным идеям. Но «смелый», «прогрессивный» — все эти главные достоинства нашего театра страны для искусства вообще. Оно их не понимает и не принимает. И сейчас на развалинах великого политического советского театра уже рождаются два театра нового времени.

— ?

— Театр коммерческий: театр богатых. Театр сытой толпы (нуворишей — совкапиталистов). И театр — для искусства. Элитарный. Нищий театр с обязательными маленькими залами для людей, которым нужно искусство.

— Судя по тому, что вы не торопитесь с премьерами, вы

ждете утверждения нового театра. Но как вы, еще пока как историк, оцениваете происходящее в стране?

— Как все. Питатой из песни. «Я другой такой страны не знаю...» и еще — формулой Чаадаева. Каждый вечер, выслушав сообщения об очередных деяниях своего правительства, которые, естественно, делались во благо стране, Чаадаев задумчиво произносил: «Интересно, а какой еще кукиш положат они завтра на алтарь Отечества?»

— А если конкретней?

— Меня необычайно удивило желание Ельцина объявить себя премьером. В России цари никогда не становились во главе терпящей поражение армии. В 1812 году, когда Александр I захотел это сделать, его убедили, и он назначил Кутузова... Вот Николай II не послушал...

В России царь должен быть невинным. Ни в поражении, ни в нищете. Народ должен быть уверенным: это все из-за плохого министра... Россия — страна «ПЛОХОГО ВТОРОГО». В этом залог стабильности власти. Как велик был рейтинг Горбачева, пока был рядом Лигачев.

Конеч Горбачева наступил, когда ему пришлось убрать Лигачева. И не началась ли беда для Ельцина, когда он «удалил» плохого Горбачева?

— Вы изучали эпоху крушения монархии. На наш взгляд, перед октябрем 17-го года можно было что-то изменить?

— Есть такая фраза: «Я хочу быть умным, как моя жена потом». Если бы Николай сделал то-то, если бы Столыпин не убили, если бы русский капиталист был образован...

Всего этого не случилось. И монархия пала (но осталось самодержавие...)

И что же... В феврале 1917 года к управлению страной пришли европейски образованные люди. И все эти выдающиеся господа буквально

но втянули в болото страну своими мелкими демократическими скелетами. За несколько месяцев они довели страну до призрака голода и до полного паралича власти. И еще одна деталь: глупость капитализма... Он ничего не дал народу. Они не захотели поделить. Они хапали, хапали... Выворачивая руки правительству, не обращая внимания на приближающийся призрак большевизма. И вскоре им пришлось на опыте узнать, что отличное место на бирже куда менее важно подчас, чем хорошее место на нарах... Я моллю Бога, чтобы новым господам не пришлось этого постигнуть...

— Недавно вы объявили, что покидаете театр навсегда.

— Еще был бы чем что-то придумывать, когда вокруг такая захватывающая драма... Но, уходя, я написал... еще три пьесы. Одну из них, возможно, я отдам в любимый театр им. Вл. Маяковского.

— Она называется?

— «Поле битвы после победы принадлежит мародерам».

И вообще балерина Кшесинская из года в год устраивала бенефисы, говорила «Гуд бай» театру. По-моему, целых семь раз!

— И в заключение. Мы вначале говорили о таком тонком предмете, как любовь... Ваше любимое изречение?

— Это предсказание. Это слова из Библии о великом голоде.

«Вот наступят дни, — говорит Господь, — когда я пошлю на землю голод, но не голод хлеба, не жажду воды, но жажду услышать слова Господни, и будут ходить от моря и до моря и будут скитаться от севера к востоку, ища слово Господне и не найдут его».

Слово это «любовь».

И пока не найдем его — ничего путного с нами не случится...

Г. РЕЗАНОВ,
Т. ХОРОШИЛОВА.